

ДЖОЛБУЛАКОВА Ч.А., МАСЕКОВА Ч.А.
1КГУСТА им. Н. Исанова, Бишкек, Кыргызская Республика

DZHOLBULAKOVA CH.A., MASEKOVA H.A.

KSUCTA n. a. N. Isanov Bishkek, Kyrgyz Republic
(Dzholbulakova69@list.ru)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ТАЛИПА ИБРАИМОВА

THE ARTISTIC WORLD OF TALIP IBRAIMOV

Макалада кинодраматург жана прозаик, орус сыйлыгынын лауреаты Талип Ибраимовдун көркөм чыгармаларынын идеялык-эстетикалык өзгөчөлүктөрү аныкталат. Жазуучунун поэтикалык чыгармаларын анализдөө, орус тилинде жазган жазуучунун көз карашын жана көркөм ыкма негиздерин айгинелейт.

Өзөк сөздөр: *идеялык-эстетикалык, проза, дүйнөнүн көркөм сүрөтү, кыргыз, адабияты, улуттук көз караш.*

В статье выявляется идейно-эстетическое своеобразие художественной картины мира кинодраматурга и прозаика, лауреата русской премии Талипа Ибраимова. Анализ поэтики произведений писателя позволяет выявить своеобразие мирозерцательных основ и художественного метода киргизского писателя, пишущего на русском языке.

Ключевые слова: *идейно-эстетическое, проза, художественная картина мира, поэтика, форма, содержание, художественный метод, киргизская литература, национальное, мирозерцание.*

The ideological and aesthetic originality of the artistic picture of the world of the screenwriter and prose writer, laureate of the Russian prize Talip Ibraimov are revealed in this article. An analysis of the poetics of the writer's works allows us to reveal the originality of the worldview foundations and the artistic method of the Kyrgyz writer, who writes in Russian.

Key words: *ideological and aesthetic, prose, artistic picture of the world, poetics, form, content, artistic method, Kyrgyz literature, national, world outlook.*

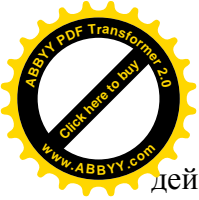
Современная филологическая наука, наряду с термином *языковая картина мира*, оперирует понятием *художественный мир*. В историко-литературном контексте данную категорию можно выводить из понятия мимесис, сформулированного Аристотелем. Теория подражания в своей сути предполагает наличие реального мира и его отображение в художественном произведении.

В российской литературной традиции начиная с XIX века, данная категория трактовалась в контексте концепций мира, характерным литературным направлениям и эпохам, но чаще всего она носила метафорический характер [1].

В XX веке делаются попытки определения данного понятия. Д.С. Лихачёв писал, что «внутренний мир произведения словесного искусства (литературного или фольклорного) обладает известной художественной цельностью. Отдельные элементы отраженной

действительности соединяются друг с другом в этом внутреннем мире в некоей определенной системе, художественном единстве» [2,74].

Относительно взаимодействия *внутреннего мира произведения* с действительностью Д.С. Лихачёв отмечает: «Мир художественного произведения воспроизводит

действительность в некоем «сокращенном», условном варианте. Художник, строя свой мир, не может, разумеется, воспроизвести действительность с той же свойственной действительности степенью сложности. В мире литературного произведения нет многого из того, что есть в реальном мире. Это мир по-своему ограниченный. Литература берет только некоторые явления реальности и затем их условно сокращает или расширяет, делает их более красочными или более блеклыми, стилистически их организует, но при этом, как уже было сказано, создает собственную систему, систему внутренне замкнутую и обладающую собственными закономерностями.

Литература «переигрывает» действительность. Это «переигрывание» происходит в связи с теми «стилеобразующими» тенденциями, которые характеризуют творчество того или иного автора, того или иного литературного направления или «стиля эпохи». Эти stileобразующие тенденции делают мир художественного произведения в некоторых отношениях разнообразнее и богаче, чем мир действительности, несмотря на всю его условную сокращённость» [2,74].

Ю. Лотман выделял элементы поэтики, составляющие «художественный мир» писателя: исследование произведений писателя в системном единстве; определение культурных традиций, выраженных в художественном тексте; исследование хронотопа; образов-характеров и т.д. [3,145–171].

Категория «художественный мир», исходя из вышесказанных положений, является открытой системой: с одной стороны исходящей из творческой самобытности и судьбы писателя; с другой, имеющая многосторонние связи с действительностью, преображённой художественным словом.

Именно с этих методологических позиций попытаемся проанализировать творчество Талипа Ибраимова в его системном единстве.

Российское, а затем и советское литературоведение, на наш взгляд, не всегда в полной мере учитывало биографический подход к изучению творчества писателя. В то время, как скажем, во французском литературоведении биографический подход весьма распространён. Вспомним как минимум, биографические очерки Андре Моруа.

Талип Ибраимов родился в селе Сары-Бурак в 1940 году. В семье бережно хранились народные традиции, селение у подножия гор и плодовый сад, высаженный его дедом, реалии национальной жизни определили особенности его мировидения и архетипы его художественного мира.

Какое-то время Талип Ибраимов жил в промышленном городе Кара-Балте, со всеми свойственными социально-экономическими проблемами, присущими провинциальным промышленным городам.

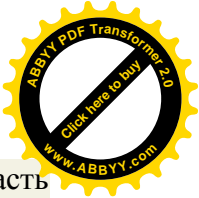
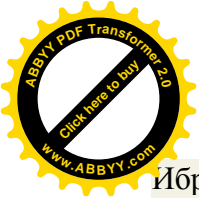
Высшее образование Талип Ибраимов получил на факультете русской филологии Кыргызского государственного университета, где получил достаточно глубокие знания по теории и истории русской и мировой литературы.

Профессиональное образование получил на высших курсах сценаристов и режиссёров в Москве. Вся дальнейшая творческая деятельность Талипа Ибраимова связана с «Кыргызфильм», где он работал редактором, сценаристом, главным редактором.

Таким образом, мировоззрение кыргызского писателя вобрало в себя национальное кыргызское созерцание и достаточно сложный и противоречивый опыт жизни, идейно-художественный дискурс мировой литературы, разнообразные формы и средства киноязыка. Поэтому неудивительно столь стремительное вхождение писателя в литературу.

Российский критик Олег Дарк отмечает: «Повести и рассказы Ибраимова явились для меня потрясением. Готовый писатель, опытный мастер слова (подчеркнем – русского слова,

потому что по-русски пишет киргиз) явился перед читателем, вдруг, разом, без всякого там «творческого пути», как Минерва из головы Юпитера. А она, как известно, является в полном облачении и всеоружии. Здесь это: точность и гибкость языка, свежесть, «умытость» образов, живые и очень яркие персонажи, почти вызывающе необычные сюжеты... О Талипе

Ибраимове, начиная с того, что родился в 1940 году и кончая тем, что «большую часть жизни» проработал редактором на киностудии «Кыргызфильм», можно узнать из справки на обороте книги. Вот и вся вам предыстория писателя. А дальше начинается история его читателя – недоверчивого, сопротивляющегося обаянию текста, в него погружающегося, подчиняющегося ему и, наконец, наслаждающегося. Но где, когда, в каких тайниках созрел этот писатель (кто такой, почему не знаю? почему мы не знали о нем ничего?) и «готовились» его произведения, прежде чем он начал писать прозу «несколько лет назад, выйдя на пенсию» (из той же справки), останется тайной» [4].

Представляется, что ответы на поставленные критиком вопросы может дать, в какой-то мере, анализ художественного мира его произведений.

Первые публикации прозы Талипа Ибраимова появились в журнале «Литературный Кыргызстан» и сразу получили признание читателей и литературных критиков.

Первой повестью, опубликованной в «Литературном Кыргызстане» стала повесть «Плакальщица», по мотивам которой в дальнейшем будет создан сценарий и снят художественный фильм, удостоенный престижных международных премий.

Повесть Талипа Ибраимова основана на кровной связи писателя с народным миросозерцанием и национальными архетипами. Главная героиня произведения является носителем исторической памяти народа, выраженной в трагических строках:

Дыхание коней, как белый туман,
Глаз луны закрыло.
Слёзы мои, как чёрный туман,
Глаз солнца закрыло.
Горе моё тяжелее земли,
Не знаю – скрыться куда?
Горе моё лютее зимы –
Убита, растоптана душа...

С современных позиций автор осмысляет историю кыргызского народа в XX веке, причём осмысляет не абстрактно, а через образы-характеры, их личные судьбы.

Древний жанр кыргызского фольклора – кошок становится контрапунктом повествования о современности, позволяет автору с позиций *momento mori* ставить вопросы смысла человеческого существования.

Современный город с его социально-нравственными проблемами воссоздан Т. Ибраимовым в социально-психологической повести «Ангел».

Повествование ведётся от лица девушки, живущей в криминальном районе и по его правилам: «Под утро, видимо, проскочил дождь, и теперь по улочке моего несравненного Лондона ни пройти, ни проехать. Можно только пролететь, если вдруг вырастут крылья. При таком пейзаже я обыкновенно перевоплощаюсь в кенгуру, могу спокойно дать фору чемпионкам по акробатике, прыжкам в длину и высоту. Не прояви я такой прыти, буду по пояс в грязи, хоть на работу не иди. Улочек у нас в Лондоне всего две: одна, вихляя, идет к горам, набегая с километр, другая, замыкая, пересекает первую, образуя таким образом букву T, и со всех сторон приникли к этим артериям жизни разномастные хибары и, словно согреваясь, жмутся друг к другу...» [5,96].

Согласно методологическим основам реалистического искусства характеры героев повести социально детерминированы. Все события передаются сквозь призму восприятия героини, психологические портреты других героев раскрываются в диалогах, мастерски прописанных автором. Они демонстрирует одно из характерных качеств прозы Т. Ибраимова – изобразительность. Профессиональный кинематографист он монтирует разные эпизоды-кадры, однако за внешним изобразительным и событийным рядом присутствует подтекст, выводящий к идейно-смысловому ряду произведения. Сюжетные линии произведений Т. Ибраимова динамичны и порой неожиданны...

Автор без прикрас изображает действительность, его взгляд ироничен и критичен, но за ним скрывается глубокая вера в человека.

На вопрос журналиста Б. Маликовой: «О чем ваша повесть “Ангел”?»), – Талип Ибраимов ответил: «– Я хотел сказать о том, что человек сильнее и добрее Бога. Это главная идея. Но не все понимают это. Кто берет на себя вину за преступление и случайное убийство? Бомж, которого пригрели. И получилось, что в образе потерявшегося по жизни человека, упавшего на самое дно, для молодого героя проявился ангел – спаситель» [6]. В данном высказывании раскрывается смысл названия повести, основным предметом которого является человек и общество.

В аннотации к книге «Старик и ангел», изданной в Москве, отмечается: «Сюжеты Талипа Ибраимова всегда необычны. И не потому, что тут рассказывается какая-то небывалая, невероятная история, напротив – все истории погружены в быт, в мелочи жизни, в обыкновенность. Оригинальны не сами по себе истории, а постоянный и неожиданный поворот, который в них происходит и который в них – главное. Герои все время оказываются не тем, за кого их принимали, и делают не то, что от них ожидали. И история совсем о другом оказывается...» [7].

Старик из одноимённой повести Т. Ибраимова прожил не свою жизнь. «На вопрос корреспондента газеты «Вечерний Бишкек»: «Почему в ваших повестях иногда чувствуется некая пронзительная безысходность? – Талип Ибраимов ответил, – То, что я показываю, например, в повести «Старик», – это одна сторона моей жизни, человека, который силу своего таланта не использовал в полной мере. Физическая мощь главного героя – это метафора нераскрытого творческого потенциала. Всю жизнь потратил впустую в иллюзиях, думая, что это любовь. Старик прожил по ограниченным заданным стандартам, хотя способен был на нечто великое» [6].

Писатель в данном случае, приоткрывает завесу с психологии собственного творчества. Представляется, что биографическое начало в той или иной мере всегда присутствует в художественных текстах. Вспомним известную фразу Г. Флобера: «Мадам Бовари – это я». В художественном мире Талипа Ибраимова личностное начало проявляется достаточно ярко.

В образной системе повести с первых страниц обозначен каркас художественного мира повести «Старик»: море – символ природной стихии, творческого потенциала и естественной чистоты; и два антипода – он и она – мужчина и женщина с разных социальных миров.

В художественном мире Талипа Ибраимова существует двойное изображение действительности, показываемой автором в её двойственной сущности: быть и казаться.

Асанов, не случайно автор называет его по фамилии, прожил внешне праведную жизнь, подчиняясь обстоятельствам и работая номенклатурным исполнителем.

В противоположность ему разбитная Рита, ведущая беспутный и криминальный образ жизни.

Однако их встреча выявила их подлинную сущность. Асанов оказался жил чужой жизнью, и даже дети оказались не его. Понять это позволила его последняя любовь: «Она поднялась в лодке, прямая и строгая, вся во власти своих эмоций.

Он хотел нырнуть, уйти под воду, но не решился.

– Дед, скажи правду! Как перед богом!

– Можно и так сформулировать, но скорее – я не хотел выпасть из общего ряда, – сказал он, подыгрывая ей.

– Так ты трус, дед?

– Да. Я – трус» [8,102].

Обладая огромным творческим потенциалом, Асанов не реализовал его, даря свои идеи другим, предпочитая не раздражать других своей мощью и возможностями. Только любовь воровки и убийцы преобразила его, потому что он смог увидеть в ней – беззащитную маленькую девочку, нуждающуюся в любви: «Она, плача, калачиком свернулась на его коленях, целовала, тормошила и всё спрашивала:

– Дед! Ты живой?!.

- Что с тобой, моя маленькая?
- Я испугалась.
- Чего ты испугалась?
- Мне с горы показалось, что ты повесился... А это – чучело!..

Она попыталась улыбнуться, но вышла жалкая гримаса. Он молча гладил её, и руки у него дрожали.

– Я детдомовская, вдруг страстно заговорила Рита. У меня не было ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестёр, ни бабушки, ни дедушки!.. Я всегда была одна, совсем одна среди множества людей!.. Ты стал для меня всем! И братом, и сестрой, и мамой, и папой, и бабушкой, и дедушкой! И ещё – мужем! Су-пру-гом!.. Мне никогда не было так хорошо, как с тобой! И я от тебя никуда не уйду!.. Пусть будет, что будет!.. Ты ведь меня простишь, если что случится, а?!

– О чём ты говоришь, маленькая?! Это ты меня прости, старого дурака! Что бы ни случилось – я тебе безмерно благодарен...» [8,107].

Социально-нравственная проблематика повести раскрывается с позиций «маленького человека», надломленного обществом и средой, но достойного по своей нравственной сути иной судьбы.

Финал повести остаётся открытым, в короткой мизансцене до конца раскрываются нравственно-психологические характеристики персонажей и сталкиваются в неразрешимом противоречии душевные устремления личности и общество, заставляющее жить по его законам: «На гребне Верблюжьей горы стояли Султанов, Санжар, Болот и Ракия. Они вглядывались в море, где у кромки горизонта, то исчезая, то появляясь, маячила голова пловца.

– Куда он поплёрся? – сказал Санжар. – Он в самом деле слетел с катушек...

– Он поплыл спасать свою юную жену – сказал Султанов с подчёркнутым простодушием, которое якобы исключало иронию подленького свойства.

– Её теперь не спасёшь, – усмехнулся Болот и, не удержавшись, подыграл Султанову: – Скорее, наш гигант замахнулся на море.

– Какие мы гады, сволочи! – сказала Ракия и заплакала.

– Давай без истерик!.. Хватит на сегодня одного концерта, – сказал Санжар.

Ракия не отвечала. Глядя на море, она замкнулась, защищая своё горе, как устрица створками свою нежную плоть.

– Идёмте к лодочникам! – сказал Султанов. – Опозоримся перед людьми!.. Скажут: отец тонул, а они с берега любовались. Обязательно скажут...

Внизу, набирая звучность, шумело море – приближался шторм» [8,115–116].

Повести, вошедшие в книгу «Старик и ангел», изданную как результат победы Талипа Ибраимова в конкурсе Русской премии свидетельствуют о реалистической основе и социально-нравственной направленности творчества писателя.

Национальное мировидение, история Кыргызстана, гуманистические традиции мировой, прежде всего российской культуры стали основой художественного мира Талипа Ибраимова.

Б.Т. Койчув верно отметил идейно-художественные черты творчества писателя: «Суровое и правдивое изображение социально-политической жизни, драматической истории киргизского народа и личностных судеб, психологии современников находят адекватные стилевые формы. Художественная речь писателя максимально приближена к реальности, в ней нет ханжества и приукрашивания, и вместе с тем она удивительно поэтична и метафорична. Для прозы Т. Ибраимова характерен сложный синтез эпичности

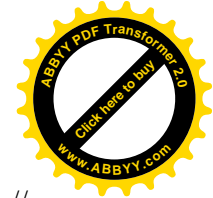
повествования, драматичности изображения человеческих судеб и лиричности авторского мироощущения.

И самое главное – в центре художественного мира, созданного Т. Ибраимовым, – Человек – «маленький Человек», порой чудаковатый бечара, но с безграничной душой, грешный и страдающий, раскаивающийся и творящий жизнь. Может это связано с тем, что это проза свободного человека, знающего цену жизни и людям, прощающего грехи людские и «милость к падшим призывающего», снимающего маски и не лгущего в главном» [9,174].

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986.
2. Белый А. Символизм как миропонимание [Текст] / А. Белый. – М.: Республика, 1994.
3. Бочаров С.Г. О художественных мирах. [Текст] / С.Г. Бочаров. – М.: Сов. Россия, 1985.
4. Бушмин А.С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. [Текст] / А.С. Бушмин. – Л.: Наука, 1987.
5. В мире Лескова: сб. ст. [Текст] / сост. В.А. Богданов. – М.: Советский писатель, 1983.
6. В мире Толстого сб. ст. / [Текст] / сост. С. Машинский. – М.: Советский писатель, 1978.
7. Линков В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехова [Текст] / В.Я. Линков. – М.:

Изд-во МГУ, 1982.

8. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения [Текст] // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С.74 – 87.

9. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. [Текст]/ Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1993.

10. Поэтический мир Чехова: сб. науч. тр. [Текст]/ Д.Н. Медриш. – Волгоград: 1985.

11. Чудаков А.П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. [Текст] / А.П. Чудаков.

– М.: Советский писатель, 1986.

12. Шаталов С.Е. Художественный мир И.С. Тургенева. [Текст] / С.Е. Шаталов. –

М.: Наука, 1979.

13. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения [Текст] // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С.74 – 87.

14. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. [Текст]/ Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1993. – Т.3.

15. Дарк О. Пауза для ангелов [Текст] // Русский Журнал. – 01.02.2008.

16. Ибраимов Т. Ангел. [Текст] / Т.Ибраимов // Литературный Кыргызстан. – 2003. –

№3.

17. Ибраимов Т. Сердце ангела [Текст] / Т.Ибраимов, Б.Маликова // Вечерний

Бишкек. – №48 (10606), 26 апреля 2013 года.

18. Ибраимов Т. Старик и ангел [Текст] / Т. Ибраимов. – М.: Европа, 2007.

19. Ибраимов Т. Старик [Текст] / Т.Ибраимов // Литературный Кыргызстан. – 2003.

– №5.

20. Койчуев Б.Т. Увидел мир глазами своих героев [Текст] / Б.Т.Койчуев //

Литературный Кыргызстан. – 2003. – №11.

21. Сулайманкулова М.Б. Элдик чыгармачылыктын «кошок»»Арман» ырлары драмадагы монологиялык речтин кайталангыс үлгүсү [Текст] / М.Б.Сулайманкулова // Вестник КГУСТА. – Бишкек: 2019. - №3(65). – с.463-468.

22. Асанова А.С. Соотношение языка и культуры [Текст] / А.С.Асанова, Б.Ж.Ниязалиева // Вестник КГУСТА. – Бишкек: 2018. - №4(62). – с. 37-40.